

ФАКТОР

О, спорт, ты — мир!

- Олимпиада в Сиднее
- Стартапида Газпрома в Туле

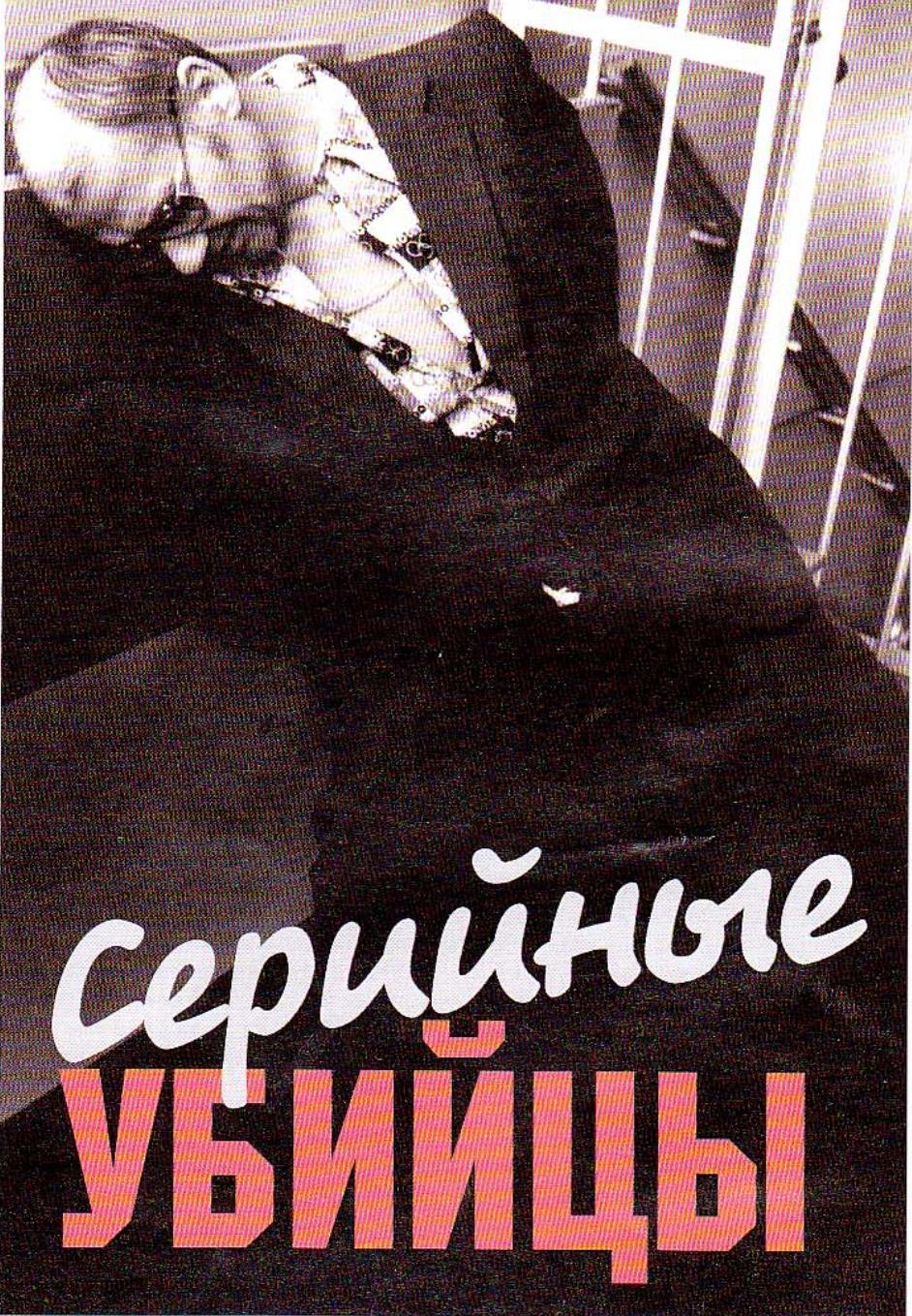

Имя Александра Олимпиевича Бухановского хорошо и давно известно в кругах психиатров не только России, но и многих стран мира. Доктор медицинских наук, профессор двух университетов, член Американской академии психиатрии и права, зав. кафедрой психиатрии Ростовского медицинского института, организатор и бессменный руководитель лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс», широкой публике он стал известен после изобличения красносулинского маньяка Андрея Чикатило. Бухановский и позже оказывал услуги правоохранительным органам в расследовании серийных убийств. Но главное для него и его коллег по центру «Феникс» — изучение самого явления психических отклонений, лечение страдающих ими, предупреждение криминальных последствий подобных проявлений.

Сегодня журналист Леонид Плешаков беседует с Александром Бухановским на эту тему.

Нервная тема

Серийные УБИЙЦЫ

— Думаю, Вы, Александр Олимпиевич, согласитесь, что в последнее время более чаще, чем раньше, нашего обывателя стали будоражить сообщения о маньяках. То у вас, в Рогове, то в Москве, Питере, на Урале, в Сибири, в других городах и везде задерживают и судят преступников, на счету которых по десятку, а то и более жертв. Чикатило стал фигурой национальной. Много таких выродков уже пойманы и обезврежены, некоторые все еще гуляют на свободе. Как будто прорвало плотину. Чем это объяснить? Разрешили писать и сняли табу на некогда запрещенную тему? Или наступили настолько тре-

вожные времена, что человеческий мозг некоторых граждан не может бороться со стрессами? Или виной всему безнаказанность: отпускают, как говорят, на волю душевнобольных, потому что нет средств содержать их в спецлечебницах?

— Я думаю, все не так просто, как кажется со стороны. Наша жизнь стала трудной, непредсказуемой? Верно. Но отчего, объясните, сообщения о маньяках-убийцах, или, как мы говорим, серийных убийцах, часто приходят из стран материально благополучных? Выпускают из больниц явно больных людей? Это просто глупость, сплетни несведущих в проблеме. О маньяках стали чаще

писать? Верно. Чикатило подхлестнул эту тему. Сообщения о преступниках поступают отовсюду. Одни насилуют женщин и девочек, часто их потом зверски убивают. Другие насилуют мальчиков. Стали чаще писать об этом или наша жизнь стимулирует этот вид преступлений?

Так вот, серийные убийцы до совершения ими многократных преступлений, как правило, не лечились в домах для психически больных, никто из них до задержания не состоял на психиатрическом учете. Вернее, мns известны всего лишь два случая, когда преступление совершили люди, состоявшие до этого на учете в психиатрических лечебных заведениях. Это важно подчеркнуть: до совершения уголовных преступлений никто и никогда на учете у врачей-психиатров не состоял и в психиатрических больницах не лежился.

— Хорошо. Объясните тогда, исходя из практики, как становятся преступниками. Прошло как-то сообщение, что попался сын Чикатило на том же, чем некогда грешил папаша. Это что — наследственная предрасположенность или издержки воспитания?

— Человек не рождается серийным убийцей. О сыне Чикатило я уже слышал, что отец, мол, передал ему по наследству предрасположенность к серийным убийствам. Ничего подобного. Отец передал сыну не предрасположенность стать преступником, а только предрасположение к ломкости мозга, определенным повреждениям его. Это не обязательно приведет к преступлениям. В другой социальной среде, при других условиях жизни ничего не произойдет. Но если ломкость совпала с воспитанием в определенных условиях, тогда...

— Проще говоря, уродился человек без тормозов и если его все время не останавливаешь, не рулить в определенную сторону, его может занести?

— Примерно можно выразиться и так. Лучше все-таки сказать: уровень тормозных процессов ниже уровня процессов возбуждения. Тормозные процессы — это наше внутреннее табу.

И еще. Обычно эти процессы сопровождаются состоянием торpidности, говоря по-русски, застrevанием на чем-то, опепенением. Нормальный человек на что-то отреагировал — и все, забыл, отвлекся, переключился на другое. За счет гибкости, пластичности наших нервных процессов прежнее переживание, возбуждение уже ушло. У торпидных же оно накапливается, накапливается — потом следует бурная разрядка...

— Откуда у людей такое состояние?

— К этому ведет патология беременности и родов. Этую зависимость мы обнаруживали у всех маньяков.

— Что Вы имеете в виду под словами «патология беременности и родов»?

— Что во время беременности многие матери находились под воздействием вредных факторов. Они, допустим, скрывали беременность до самих родов и работали в условиях вибрации, или же их труд был свя-

зан с гербицидами, химическими веществами или, например, на табачной фабрике. Обнаружив беременность, их тут же должны были снять с вредных производств и перевести чаще всего на работу с более низким заработком. Вот ради высокой зарплаты они и скрывают беременность, не задумываясь о том, что это повредит развитию плода. К необратимым последствиям часто приводят и послеродовой травматизм.

Все это имеет единый исход: нарушение нервных процессов, предрасположение к поломке мозговых механизмов.

Особо следует сказать о сексологической предрасположенности. Все эти люди с пониженной половой конституцией. Это не импотенция или что-то в этом роде еще. Это...

Каждый человек имеет предрасположение к чему-то. Допустим, к ожирению или сосудистым расстройствам. Однако эта особенность может проявиться только при определенных условиях. Если предрасположенный к ожирению, положим, будет нормально питаться, заниматься бегом, плаванием, физическими упражнениями, его физический недостаток можно одолеть, это не фатальность. Но в определенных условиях он разовьется легче, чем у других людей с нормальной конституцией.

Тот, кто родился слабым физически, может развить свою мышечную и костную системы тренировками. Мы наблюдаем массу примеров, когда родившиеся слабыми люди благодаря физическим упражнениям из хильяков становились олимпийскими и мировыми чемпионами. Желание быть не хуже других заставило их путем усиленных тренировок добиться выдающихся результатов.

Так и люди с пониженной половой конституцией, они живут нормальной половой жизнью. Не какие-то сперматозавры, готовые к сексуальным подвигам. Нет. В этом смысле у них норма. Но половая сфера у них — та система, которая чаще, легче, чем у других, подвергается поломкам. Бывает, что у человека когда-то в этой сфере что-то не получилось. Один долго не переживает: в другой раз удастся избежать фиаско. А этих заклинивает. Приходит к женщине — все нормально, хорошая эрекция. Как только доходит дело до постели, эрекция пропадает. Половая система легко ломается. Это и есть слабая половая конституция.

Внутри этих особенностей лежит сочетание (называю на нашем языке) шизоидности, сенситивности и эпилептоидности.

— Что это значит?

— Шизоидность — качество людей, которые в большой степени лишены интуиции, у них крайне затруднены контакты с другими, общение с себе подобными — проблема. При этом формальюс общение — начальник-подчиненный, учитель-ученик, студенческая среда, — где все расписано, ему дается достаточно легко, в них он хорошо ориентируется.

Когда же в отношениях надо уловить нюансы, например, мимику человека, эмо-

ции, когда надо понять, что если говорят «нет», подразумевают «да» — вот они не имеют таких навыков общения. Это не ум, это идет от подсознания.

В силу своих качеств они плохо ориентируются в неформальных ситуациях, особенно в ситуациях межполового общения.

Когда женщина говорит «нет», такой человек понимает буквально как «нет», он не допускает мысли, что она кокетничает. Такие люди в таких ситуациях постоянно пытаются, в силу чего испытывают непрекращающееся состояние напряжения.

Интересно, что внешне их поведение асексуально. Я работал с парнем, который уже убивал на сексуальной почве, а у его брата создалось убеждение, что он импотент: девочек вроде бы нет, ни с кем не встречается, никаких сексуальных интересов. Брат даже нанимал проститутку (это выяснилось в ходе следствия), чтобы та соблазнила его, научила чему-то и так далее.

Это сочетание внешней асексуальности с внутренними сексуальными переживаниями, грезами, фантазиями — типичное поведение, характерное при шизоидности.

От эпилептоидности идет сочетание двух противоположных качеств: застrevаемости и неожиданных взрывов. Я не очень хорошо знаю физику, но мне кажется, тут подходит сравнение с конденсатором: копил-копил и выдал.

И, наконец, сенситивное начало: повышенная душевная чувствительность, душевная ранимость. Чикатило, например, любил Чехова, постоянно ходил в театр и плакал на спектаклях. И тут же жесточайшим образом убивал людей. Все, что касается самих себя, вызывает тяжелые внутренние переживания, застrevание на них. Иногда причина таких переживаний и яйца выеденного не стоит, иногда это только мнимые страхи — реакция неадекватна.

— А, может быть, такие особенности подарены человеку не его природой, а благоприобретены?

— Вот теперь мы подходим к воспитанию. Есть много сенситивно-чувствительных людей, которых в театре могут плакать, но, тем не менее, не становятся убийцами.

Необходимо еще одно непременное условие, чтобы они стали теми, кем стали: воспитание. У всех этих преступников — я не знаю ни одного, кто был бы исключением — неблагополучные семейные условия жизни, или, как мы говорим, неблагоприятная микросоциальная среда.

Недавно закончился суд над одним серийным убийцей, который, казалось бы, воспитывался в нормальной семье. Мать — преподаватель института, отец — в прошлом чемпион СССР, а ныне крупный деятель в своей области. И воспитывали сына вроде бы правильно: не воруй, не совершаи плохие поступки. И все-таки вырос маньяк, серийный убийца. Обычно при неблагоприятной семейной обстановке наблюдается перекос в семье: или отца нет, или он есть, но только формально, родители не разведены, но отец практически отсутствует.

ет. Или когда тут все на месте, очень властная мать создает не столько эмоциональную, сколько рациональную обстановку, действует не столько от сердца, сколько от ума. Как надо. В такой семье отец отстраняется от воспитания. Насаждаются ханжески-пуританские нормы. К семейным аномалиям относится и эмоциональное отвержение...

— А это что такое?

— Обычно оно наблюдается, когда у родителей свои интересы, и ребенок им просто мешает. Мать занимается личными делами, вся погружена в работу. Она отличный педагог, научный работник, защитила диссертацию — она вся там. У отца — свои дела. Ребенок? Его отправляют то к бабушке, то еще куда-то. Часто он предоставлен сам себе. От ребенка просто откупается: подарят дорогую технику, хорошие тринки или еще какую-то чепуху. Короче, мать не может поверить, что она плохая мать, все вроде бы дала. Сын — убийца. Оказывается, ребенку нужно нечто большее, чем материальное благополучие. Ему нужна матер.

Я привожу примеры, которые прошли через мою практику, которые наблюдались мною лично. Как-то рассматривалось дело таганрогского серийного убийцы. Мать активистка, член родительского комитета школы, видная общественница. А дома собственный сын не получал любви. А ему, оказалось, очень нужна была эта любовь. И не простые разговоры: это можно, а это нельзя — нужны были физические проявления любви: чтобы его погладили, поцеловали, уделили время, куда-то вместе сходили. Чтобы он почувствовал, что любим.

Позже, беседуя со мной, эта таганрогская мать удивлялась: у меня два сына, оба получали одинаковое воспитание, но один вырос отличным человеком, прекрасным хирургом, второй же — подонком и убийцей. Она никак не могла понять, что они два разных мальчика, два разных человека. И в одинаковых условиях получилось: один — хирург, другой — убийца. Один смог преодолеть семейный дефицит чувств, другой — нет.

Еще нужно помнить о таком обстоятельстве: жестокость и жесткость воспитания. Опять-таки приведу пример из жизни моего подопечного. Самое яркое воспоминание из его детства связано с мороженым. Как-то он шел по улице с матерью, видит, ровесник ест мороженое. Давай просить себе: «Мама, я тоже хочу». Она говорит: «Нет!» Он снова канючит. Она уперлась: «Нет!» Нашла, как говорится, коса на камень. Он продолжает просить, она — отказывать. Наконец она соглашается: «Я куплю тебе мороженое, только пойдем домой». Пришли домой, она измазала ему все лицо злополучным мороженым, избила, поставила в угол.

Проходит несколько дней, снова они идут по улице. Она уже забыла о предыдущем эпизоде, спрашивает сына: «Хочешь мороженое?» «Нет», — отвечает он. И больше никогда сын не просил мороженое.

В другом случае — я опять привожу конкретный случай — мать отослала сына на лето в деревню к бабушке, когда мальчику было лет восемь. Бабушка боялась, что внук познакомится с плохой компанией ровесников и что-нибудь вместе с ними сотворит. Поэтому, когда она уходила из дома, привязывала его к дереву на все время своей отлучки. Он сидел во дворе на привязи, как собака.

Я привел наиболее запомнившиеся мне случаи жестокого обращения...

— Неадекватного поведению ребенка...

— Разумеется, насаждение шаблона жестокости, жесткости, липнение навыка самообороны, самозащиты — порой трудно вычислить, к чему они приведут. Чикатило — лучший тому пример. Когда он был тридцатилетним мальчишкой, его били десяти-одиннадцатилетние, бывшие намного слабее его. Он плакал от боли, но не мог дать сдачи обидчикам, хотя был сильнее.

— Почему?

— Внутри были самозапреты, были не сформированы навыки самозащиты. Человек более слабый, но при определенном типе характера, может так себя показать, что убежит более сильный. Это не столько физические особенности, сколько психологическая готовность к отпору.

— Маньяками на сексуальной почве становятся мальчики, такое с девочками может случиться?

— Мне известны (и то по описанию) только два случая, когда серийными убийцами были женщины. Один произошел в Америке, другой — даже не помню где. При этом американский случай произошел с транссексуалкой. У нее был мужской мозг. Там были и лесбийские отношения наворочены, и «герония» любила порой мужчиной одеваться и так далее — полный набор.

— Ну, это особый случай. Я же хочу спросить о «норме», если можно говорить о «норме» в таких вопросах...

— Большинство людей, и специалистов в том числе, считает, что раз совершено сексуальное преступление, раз преступление внешне сексуальное, то человек, его совершивший, обязательно ищет удовольствие от самого секса. Ничего подобного. Так уж исторически сложилось, что по мере того, как человек становился человеком, секс приобрел, если можно так выражаться, множественно, качества, стал многофункционален. Он может иметь гедоническую мотивацию, то есть давать удовольствие. Коммерческую: с его помощью получали деньги, попадали на содержание. Он стал формой общения, коммуникации или просто времяпрепровождения. Ему подвластны и карьерные цели — способ продвижения по службе. Он же может стать способом наказания, определения места в иерархических отношениях: если в колонии заключенных тебя «опустили», тебя поставили на самую низшую ступень иерархической лестницы: ты спишь отдельно, съешь отдельно, в строго обусловленном месте. Наконец секс может быть способом улучшения биологического состояния.

Я знаю эпилептиков, которые, чувствуя приближение эпилептического припадка, тут же спешили вступить в половые отношения, и кризис не наступил. Во время мужского оргазма происходила как бы разрядка. Сейчас я наблюдаю одного студента, который, предчувствуя припадок, тут же, в любое время, хватал жену и тащил в постель. После полового акта все проходило.

— Она знала, что становится «лекарственным» препаратом?

— Знала. И шла на это. И нет тут ничего смешного, ибо у него сложное заболевание. Некоторые люди — мы таких знаем, — чтобы снять напряжение, как-то решить и облегчить свои проблемы, выпивают. Другие — и мы тоже таких знаем — снимают напряжение путем сексуальных отношений. После акта они хорошо засыпают, успокаиваются.

У таких людей обычно пониженная самооценка.

У нас, как и у животных, есть потребность в пище, питье, жилье и так далее. Но мы еще нуждаемся в человеческом общении. Не зря самая тяжелая форма наказания — одиночная камера. Человек лишается коммуникации с себе подобными. Эта потребность почти биологическая.

Точно так же у человека есть потребность в самооценке. Если уровень самооценки у него пусть чуть-чуть ниже, чем он того заслуживает на самом деле, у человека возникает тягостное чувство: тебя не продают по службе, тебя не оценивают так, как ты того заслуживаешь... Некоторые, чтобы как-то себя реализовать, уходят в другую работу, в творчество. Или в мечты...

Сейчас я веду одного серийного убийцу (не могу сообщить фамилию, так как дело еще не закончено), который завел дневник, где записывал всех женщин, с которыми он имел близкие отношения: фамилии, имена, возраст. Его жертвам было от 14 до 60 лет. Это происходило так, что становится понятно: ему нужен был не сам секс как удовольствие, а доказательство, что он не хуже других. Он самоутвержался сексом.

У этих людей из-за их неумения заявлять контакты, из-за их слабой половой конституции часто происходит фиаско. И в результате вместо того, чтобы повысить свою самооценку, они ее еще более понижают: разрыв между фантазиями, желаниями и реальностью увеличивается. Взять же вину за такие фиаско на себя эти люди не способны. У каждого из них появляется своя форма психологической самозащиты. Всю ответственность за случившееся они стараются переложить на кого-то другого. На кого? Естественно, на женщин.

— Александр Олимпиевич, а можно как-то скорректировать эту тягу?

— У себя в «Фениксе» мы этим и занимаемся. И пришли к этому не от ума, а чисто эмпирически. Когда у нас на Дону ловили таганрогского убийцу, я, изучив его «почерк», обратился к нему по телевидению. Я сказал: «Я тот единственный человек, кто может тебе помочь. Приходи». И дал адрес, телефоны. Он не пришел, но на нас вдруг обрушился такой поток писем от самых разных людей, что мы увидели: тут есть проблема, а этими людьми никто не занимается. У кого-то из них были только фантазии, но некоторыеступили уже на путь преступлений.

И мы стали лечить этих людей анонимно.

— Среди Ваших пациентов есть уже и совершившие преступления?

— К сожалению, есть те, кто совершил преступления и пока еще не пойманы милицией. Но стопроцентно утверждают: убийц среди них нет, их правонарушения ограничиваются пока педофилией, эксгибиционизмом, развратными действиями, что преследуется по закону и подпадает под какую-нибудь статью УК.

— На мой взгляд, тут есть определенная щекотливость ситуации: есть преступники, а Вы как бы их скрываете...

— На первый взгляд — да, есть. Но проанализируем ситуацию до конца. Мы лечим их анонимно. Я не знаю их имен, фамилий, адресов. Больные проходят у нас под номерами. За каждым закреплен свой врач, и пациенты имеют дело только с ним. Когда они придут к нам в очередной раз, мы не знаем — это выбор самого пациента.

Так что если ко мне придут из милиции, я как законопослушный гражданин должен все сообщить, кто у нас лечится. Однако толку от моих сообщений будет не так много: ни фамилий, ни адресов у нас нет, только номер, допустим, «четвертый», такие-то симптомы — ищите. Вообще, надо понять: что дело врачей — лечить, дело милиции, прокуратуры — ловить.

Но все равно мы вызываем огонь на себя со стороны работников правоохранительных органов. Они никак не могут уразуметь, что мы даем шанс людям уберечься от более серьезных преступлений, чем те, что совершены ими ранее. Врач не может работать против людей, которые доверили ему свою беду. Врач не может участвовать в экзекуции пациентов. Это этический момент.

— Вы сказали, что больные приходят к Вам сами...

— И сами, и жены приводят, и родители...

— Жены приводят? Почему?

— Психически больной — беда семьи, а с бедой надо бороться сообща. Приведу показательный случай. Муж, вполне достойный человек, хороший семьянин и работник, в свободное от праведных трудов время любил погулять на воздухе. Во время таких прогулок он высаживал девочек, лапал их, показывал детородный орган, приуждал к занятию извращенной любовью.

— Жена об этом знала?

— Лет десять не знала. Но одна из его жертв

как-то увидела насильника на улице, показала своей матери, и та отправилась к жене (они оказались знакомыми через кого-то) выяснить отношения.

Жена мне позже рассказала, что, получив такое сообщение, готова была повеситься, убить мужа. Она культурный человек, главный бухгалтер крупной коммерческой фирмы, всеми уважаемый работник — и тут такое горе...

— А что он?

— Признался во всем, плакал, рассказал, что занимался этим десять лет и совершил где-то около тридцати подобных поступков.

Теперь жена водит его к нам, лечим. Или еще один случай. Мать привела сына. Он отсидел два года в тюрьме, пошав туда в 16 лет за садистские действия над мальчиками, которых он принуждал к оральному сексу. Вышел, через неделю попался на том же. Второй раз отсидел, освободился, просит мать: когда уходишь из дома, запирай меня снаружи, иначе я сяду снова.

Вот мать и пришла к нам с рыданиями: помогите, сын два месяца как вернулся из тюрьмы, но не выходит на улицу...

— И взялись его лечить?

— Лечили. Сейчас он закончил обучение, получил специальность, ухаживает за девочками. Все вроде бы нормально...

— Мне все-таки непонятен механизм перехода маньяков к убийствам...

— Все начинается с фантазий. Сначала женщина для такого мужчины становится обезличенной, противной, падшей. Фантазии разрешают раздевать ее, избивать, заставлять делать, что ему заблагорассудится. Границы дозволенности постепенно отодвигаются: ведь он имеет дело с падшей. Учитесь, все идет постепенно: сначала это носит социально разрешенные формы: кого-то шлепнул по попке, кого-то прижал, кому-то показал гениталии. Постепенно это расширяется, может дойти до крайностей.

Второй вариант — импринтинг, запечатление, по-русски говоря. Горячий воск пластичен, принимает любую форму, которую ему придали. Но стоит на нем сделать какой-то отпечаток и остудить, как воск сохранит форму этого предмета или печати.

Примерно так происходит и тут с человеческим мозгом.

Есть периоды в жизни человека, когда пластичность мозга очень высока для запечатления. Это подростковый возраст, некоторые моменты, связанные с какими-то стрессовыми ситуациями. Если этот период совпадает с каким-то событием, происходит как бы застенчение его.

Когда-то у меня наблюдался невинно-мысский убийца. Для него таким критическим моментом стала автокатастрофа, свидетелем которой он оказался. Тогда погиб мальчик. Его растерзанный вид, переломанные кости, кровь на отутюженной пионерской форме, начищенных ботинках в тот момент вызвали такое возбуждение у будущего преступника, что сопровождалось оргазмом.

И вот это запечатлевалось в его мозгу — вид растерзанного ребенка и оргазм. Причина и следствие. И он в своих фантазиях вызывал эту картину снова и снова, получая каждый раз половое удовлетворение. Но со временем одних фантазий стало мало. Это как у наркоманов: начал принимать наркотики, хватает небольшой дозы. Потом она уже не действует, приходится увеличивать, через какое-то время надо увеличить и ее. И так без конца, до самой гибели.

Вот и здесь. Когда прежние формы перестали вызывать должный эффект, пришлось идти на более сильные действия, от фантазий переходить к убийствам.

— Как же корректировать и приводить к норме такие страшные отклонения? Внушениями, лекарствами?

— По-разному. К каждому пациенту прикрепляется персональный врач, который тщательно изучает и знает все проблемы своего подопечного больного, обнаруженные формы повреждения мозга, которые привели к плачевным последствиям. Только тогда начинается сама коррекция, включающая и медикаментозное лечение, и наши клинические разработки, основанные на трудах академика Георгия Николаевича Крыжановского, известнейшего ученого в области исследований процессов мозговой патологии.

Но лечение — это только лечение, мы же работаем еще и с семьей больного, и с милицией. Надо создать дома такой климат отношений, чтобы они не провоцировали рецидивы болезни. И милиция должна быть внимательнее. Бывает, что она вломывается ночью в дом, чтобы проверить, у себя ли человек или отсутствует. Мы с ним, случается, перед таким визитом неделю работали, а милиция явилась — весь наш труд насмарку. Наше лечение идет годами...

— Наверное, поправить можно, когда болезнь перехватывается рано?

— Поправить можно на всех этапах болезни. Но лучше перехватывать ее на более ранних этапах.

Мы помогаем больным, пока их не поймали при совершении преступления. Тогда меня приглашают в качестве эксперта, и я должен дать заключение, адекватное состоянию совершившего преступление. Да, они больны, но они вменяемы. Они должны понимать это, лечиться, не доводить дело до самого тяжелого. Когда их поймали, напа помочь уже невозможна.

Правда, таких людей надо лечить и в местах лишения свободы. Если не лечить — человек выходит из заключения и снова совершает преступление. Часто пишут, что маньяки получают удовольствие оттого, что убивают, насилиют. Это не всегда верно. Они совершают свои преступления в большинстве случаев, чтобы избежать дискомфорта, избежать каких-то неприятностей, решить какие-то свои социальные проблемы, личные неурядицы. Вот что движет ими, а секс только помогает решить эти вопросы.

Беседу всл Леонид ПЛЕШАКОВ